

Что же касается вопроса о знатности Хилбуда, то мы не разделяем категоричности суждения М. Ю. Брайчевского, хотя его и поддержал Г. Диттен¹². Юстиниан I действительно не останавливался перед продвижением на высокие посты способных и нужных ему людей, не взирая на их социальное происхождение. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что привлечь благосклонное внимание императора и его доверенных людей имел больше шансов не простой воин-храбрец, «варвар» по происхождению, а именно отличавшийся среди «варваров», помимо прочего, знатностью своего рода, тем более что такие видные «варвары»-изгой и перебежчики являлись на службу империи во главе отряда своих соотечественников или иных «варваров», как, например, полководцы Юстиниана I Муцц и Фарас¹³. Так что предположение Б. А. Рыбакова, что стратиг Хилбуд мог принадлежать к родовой антской знати, скорее закономерно, чем произвольно.

Теперь мы попытаемся показать, что информативные возможности повествования Прокопия о двух Хилбудах, в том числе об этническом происхождении префекта претория (?) Фракии, отнюдь не исчерпаны. Коренятся эти возможности, на наш взгляд, в логике поведения (как она отражена у Прокопия) участвовавших в эпизоде с антом-самозванцем лиц, как византийцев, так и славян (при этом, разумеется, нельзя забывать, что утонченный византийский автор, сколь он ни презирал «варваров», нигде в своих трудах не отказывал им в способности логически мыслить). Иными словами, мы постараемся конкретизировать тот косвенный намек на славянское происхождение полководца Хилбуда, который имеется в рассказе Прокопия и о котором вскользь упомянул Г. Диттен.

Прокопий основывал свою версию истории с самозванцем, скорее всего, на показаниях членов антского посольства 545 г. в Константинополь, прибывшего сюда вместе с вернувшимися византийскими послами и вместе с лжестратигом, и на результатах дознания по делу «коварного» ромея, который также тогда был доставлен в столицу империи и подвергся обвинению и со стороны византийских деятелей, и со стороны антов как главный виновник возникшего недоразумения, грозившего осложнениями в установлении столь необходимых империи в то время союзнических отношений с антским племенным объединением. Осложнения, видимо, действительно имели место: анты не приняли предложения Юстиниана I обосноваться в Туррисе, поскольку Хилбуд оказался не опытным прославленным (страшным и склавинам, и протоболгарам) полководцем, а подозрительным самозванцем, всего лишь простым, хотя и храбрым, воином-антом. Тем не менее инцидент не помешал оформлению союзнических отношений антов с империей — именно 545-м годом датируют заключение союза антов с Византией, который они соблюдали вплоть до 602 г., когда сам термин «анты» в последний раз упоминается в византийских источниках¹⁴. В этой ситуации пленник анта — ромей явился «козлом отпущения», весьма удобной обеим сторонам фигурой для обвинения, на мнимое, как мы попытаемся показать, коварство которого и была взвалена вся вина за опасную путаницу.

Придерживаясь этой официальной версии событий, Прокопий неоднократно противоречит сам себе. Ромей будто бы заранее знал, что молодой пленник склавинов — ант не был полководцем, но и не страшился разоблачения, толкнув господина на путешествие к склавинам, на крупные расходы и участвуя в доставке анта на его родину, в места расселения его соотечественников. Господин ромея будто бы верил и тому, что Хилбуд боится сознаться, кто он, находясь «среди варваров», и тому, что император дает «варварам» большой выкуп за своих плененных ими полководцев. Как следует из сказанного, стратиг Хилбуд — как будто не «вар-

¹² Брайчевский М. Ю. Указ. соч., с. 129—130.

¹³ Procop. Caesar. Opera omnia, v. I, p. 62.11—12 (I, 13, 19); 131.7—8 (I, 24, 41).

¹⁴ Ditten H. Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen.— In: Byzanz im 7 Jahrhundert. Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus. B., 1978, S. 93.